DOI 10.22394/2073-2929-2021-03-118-124

Евразийство и внешняя политика Российской Федерации[1]

Базавлук С. В.
Российский Университет Дружбы Народов, Москва, Российская Федерация; bazavluk-sv@rudn.ru

РЕФЕРАТ
С целью определения возможностей более широкого применения идей евразийства во внешней политике России, включая ЕАЭС, но не ограничиваясь им, проведен анализ различных методов и подходов, применяемых для интеграционных процессов. При этом учитываются текущая геополитическая ситуация и факторы многовекторности в международных отношениях. Также предлагается учитывать роль идентичности в широком смысле в качестве политической привлекательности. Вместе с этим рассмотрены и различные проблемы на организационном, социальном, гуманитарном и экономическом уровнях. Учтены и широкие факторы безопасности, которые также играют роль в евразийской интеграции. Актуальность данного исследования обусловлена не только реализацией стратегических направлений внутри ЕАЭС, но и общим курсом на многополярность, который проводит Россия. Кроме того, кризис либеральной демократии на Западе дает дополнительную возможность России для реализации собственных идей и доктрин на международном уровне. Автор считает, что евразийство, включая его классическую версию, может стать одним из императивов внешней политики России.
Ключевые слова: евразийство, Евразия, Россия, внешняя политика, стратегия
Для цитирования: *Базавлук С. В.* Евразийство и внешняя политика Российской Федерации // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2021. Т. 15. № 3. С. 118–124.

Eurasianism and Foreign Policy of Russia

Sergey V. Bazavluk
RUDN University, Moscow, Russia; bazavluk-sv@rudn.ru

ABSTRACT
In order to determine the possibilities of wider application of the ideas of Eurasianism in the foreign policy of Russia, including the EAEU, but not limited to it, an analysis of various methods and approaches used for integration processes is carried out. At the same time, the current geopolitical situation and the factors of multi-vector approach in international relations are taken into account. It is also proposed to take in attention the role of identity in a broad sense as a political attraction. At the same time, various problems at the organizational, social, humanitarian and economic levels are also considered. The broad security factors that also play a role in the Eurasian integration are also taken into account. The relevance of this study is due not only to the implementation of strategic directions within the EAEU, but also to the general course towards multipolarity that Russia is pursuing. In addition, the crisis of liberal democracy in the West provides an additional opportunity for Russia to implement its own ideas and doctrines at the international level. The author believes that Eurasianism, including its classical version, can become one of the imperatives of Russia's foreign policy.
Keywords: Eurasianism, Eurasia, Russia, foreign policy, strategy
For citing: Bazavluk S. V. Eurasianism and Foreign Policy of Russia // Eurasian integration: economics, law, politics. 2021. Vol. 15. No. 3. P. 118–124.

[1] Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 19-18-00165).

Евразийство уже применяется для обоснования внешней политики России на постсоветском пространстве, а также служит в качестве альтернативной интеграционной концепции по созданию Большой Евразии. В рамках работы ЕАЭС подписаны соглашения о свободной торговле с рядом государств Европы, Азии и Латинской Америки — Бангладеш, Камбоджей, Аргентиной, Чили, Эквадором, Индией, Индонезией, Мексикой, Перу, Филиппинами, Сербией, Сингапуром, Таиландом, Египтом и Вьетнамом. Подписаны договоры о сотрудничестве с Марокко, Тунисом и Иорданией. Иран заключил преференциальные торговые отношения с ЕАЭС и готовится стать полноправным членом объединения. Очевидно, что следует продолжать применение евразийского дискурса, поскольку отказ от него будет негативно отражаться на процессах евразийской интеграции, подрывать имидж России как дееспособного актора внешней политики и предоставлять дополнительные возможности для геополитических оппонентов использовать эту ситуацию в своих интересах.

Следовательно, продолжение евразийской стратегии является жизненно важным как для ЕАЭС, так и для России. При этом нынешнее положение дел и новые вызовы будут подталкивать к адаптации, корректировке и реформам.

Важным вопросом остается сама реализация интеграционной стратегии. Существуют разные подходы к управлению организационными процессами, включая интеграцию. Например, ЕС выбрал предупреждающее правление для адаптации новых членов в свое объединение и дальнейшее развитие структуры. «Предупреждающее правление — территория принципа предосторожности, согласно которому инновации со значительным потенциалом к нанесению ущерба вообще не должны вводиться, какие бы выгоды они не сулили. Сам Евросоюз следует более умеренной версии того же принципа, которая признает общую благотворность инноваций, но при этом требует отслеживания их влияния на общество и среду в целом» [14, с. 323].

Либо можно выбрать форсированное правление, которое предполагает, что «определенный ущерб будет нанесен независимо от того, какой курс выбрать, а потому задача в том, чтобы извлечь наибольшую выгоду» [Там же, с. 324]. В этом случае подходит модель созидательного разрушения Й. Шумпетера, то есть создание новых рынков на основе старых.

Для выбора оптимальной модели желательно отработать подобные сценарии на каких-то локальных проектах и в дальнейшем проводить последовательное масштабирование. При этом возможно сочетание обоих подходов для разных областей, чтобы сохранять гибкость и возможность оперативного маневрирования.

Если исходить из мировых тенденций, то между тремя силами, которые двигают глобальную политическую экономику, — глобализацией, регионализацией и национализмом [15] — евразийство представляет золотую середину и может успешно сочетать две последних силы в контексте кризиса и упадка первой.

При этом на данный момент уже существует ряд направлений, которые нуждаются в оптимизации.

По самой структуре ЕАЭС и его отношению к другим акторам высказывалось мнение, что «помимо отсутствия эффективных наднациональных органов, в деятельности ЕврАзЭС существует еще целый ряд других проблем, среди которых нужно выделить следующие: неоднородность субъектного состава альянса; отсутствие в рамках ЕврАзЭС эффективных наднациональных органов; отсутствие баланса между государствами-членами; отсутствие их полного всеобъемлющего подключения к процессам международной экономической интеграции на глобальном уровне в рамках ВТО; конкуренция и противодействие со стороны других геополитических сил» [6, с. 91].

В идеологическом отношении у России также отмечалась определенная несбалансированность по линии межконфессиональных отношений. «Основные нарративы современной российской внешней политики — нарратив Русского мира и евразийский нарратив — объединяет консервативная идеология. Однако они имеют разные религиозные базисы: Русский мир неразрывно связан с православной культурой, а евразийская идеология переплетена с исламскими традициями» [2, с. 41].

Поэтому замечание первого заместителя председателя Духовного управления мусульман РФ, заместителя директора Центра арабистики и исламоведения Института стран Азии и Африки МГУ Д. В. Мухетдинова

вполне адекватно, где в статье «Российское мусульманство: социокультурная реальность и концепт» он отмечает, что на протяжении почти четырнадцати веков происходило тесное взаимодействие тех народов, которые ковали евразийскую цивилизацию, с носителями исламской идентичности. «Не вызывает сомнения, что ислам стал частью российской и евразийской идентичности и оказал значительное влияние на ее формирование» [10]. Мухетдинов также верно указывает, что «традиционный мультикультурализм неоевразийской прото-идеологии означает, что развитие России будет связано с углублением межрелигиозного и межкультурного взаимодействия, с обеспечением мирного сосуществования евразийских духовных традиций и сформированных ими культур, без акцента на какой-либо одной культуре... Умеренный консерватизм мыслится архитекторами неоевразийской прото-идеологии как сочетание формата светского общества с теми моральными и духовными преимуществами, которые дают нам традиционные религии» [Там же].

Нельзя не признать вклад других религиозных традиций (ислама, иудаизма, буддизма, протестантизма, национальных религий), что свидетельствует о взаимовлиянии и взаимообогащении, совместном создании и защите общих ценностей и государственных структур в едином географическом, политическом, экономическом и духовном пространстве. Это формирует чувство сопричастности к единой исторической судьбе, архетипические представления, общие для сознания различных этноконфессиональных общностей» [11].

Из других проблемных факторов нужно выделить следующие:

- не выработан баланс между категориями наднационального и государственного (суверенного) начал в деятельности объединения;
- отсутствие межпарламентского органа, хотя он ранее был на более низком этапе интеграционного взаимодействия в ЕврАзЭС;
- зависимость властных структур от персонального состава членов Высшего совета.

В этом отношении ситуацию может исправить создание особого бюрократического аппарата, который будет приоритетно заниматься наднациональными интеграционными процессами. Также проведение комплексной реформы ЕАЭС, которая сможет избежать стагнации и снижения темпов создания общего рынка.

Особой темой является взаимодействие в информационной сфере и создание специфической «зоны знаний», которая позволит совершенствовать правовую систему, ликвидировать информационный дисбаланс между всеми участниками ЕАЭС, развивать инновационные направления, такие как ИКТ, искусственный интеллект, а также проводить надлежащие евразийские исследования, включая прогнозирование социальных, экономических и политических процессов [1].

В. Изотов и А. Обыденкова пишут, что такие «понятия, как „интегративный менталитет“, как сегмент более широкой категории „внешнеполитического менталитета“, а также теория неоевразийства, были включены в российский политический дискурс и, следовательно, влияют на общественное мнение через специфическую интерпретацию экономических, политических и культурных процессов» [16]. Это тесно связано с общественной поддержкой определенной государственной стратегии (в нашем случае евразийской) и ее дальнейшей легитимизацией.

Поэтому философия евразийства и ее интерпретация в контексте текущих геополитических изменений будет критически необходима как для политических процессов, так и для широких общественных дискуссий, касающихся ЕАЭС и внешней политики России в целом.

Некоторые авторы отмечают важность развития гражданско-правовых отношений под зонтиком ЕАЭС, указывая что «защита законодательства ЕАЭС действительно предлагает некоторое “пространство для маневра”. В частности, ничто не исключает — а некоторые элементы способствуют — более широкого, более правозащитного толкования закона, включая право на семейную жизнь. Таким образом, многое будет зависеть от интерпретационной эволюции правового порядка ЕАЭС, прецедентного права Суда ЕАЭС, а также национальных судов. Некоторое вдохновение можно найти и в положениях о гражданстве в правовой базе Союзного Государства России и Беларуси. Как и в случае с гражданством ЕС, преобладающая неопределенность и свобода интерпретации иногда могут в конечном итоге работать на благо граждан ЕАЭС, а иногда и в их ущерб» [17].

Что касается прагматических экономических вопросов, то здесь также существуют слабые места, которые необходимо корректировать и вовремя адаптировать к изменяющимся условиям.

Уровень торгово-экономической связанности ЕАЭС остается низким, что негативно влияет на развитие евразийской интеграции. Также существует слабость инновационного и инвестиционного влияния на развитие ЕАЭС [4].

Среди основных групп рисков также указывают значительный разрыв в уровне развития национальных экономик; невысокую эффективность институциональной системы ЕАЭС; низкий уровень признания ЕАЭС в качестве субъекта мирового рынка; внешние риски из-за противоречивых тенденций глобализации и санкционных ограничений [8].

В этом отношении следует акцентировать внимание на важности создания зон свободной торговли, для чего необходимо выработать единую стратегическую линию и определить приоритеты в экспортных позициях, при этом защитив свои товары и услуги, которые нуждаются в мерах протекционизма [7].

Зоны свободной торговли, также как и двустороннее партнерство между ЕАЭС и другими объединениями и интеграционными блоками, могут являться стимулирующим и имиджевым фактором для евразийской интеграции.

В частности, указывалось, что «мотивация ЕАЭС определяется прежде всего его стремлением играть возрастающую роль в экономическом сотрудничестве на евразийском пространстве. В связи с этим установление привилегированных отношений с АСЕАН значимо как с точки зрения повышения привлекательности проекта евразийской интеграции, так и в контексте формирования Большого евразийского партнерства (БЕП). Выступая с посланием к Федеральному Собранию в феврале 2019 г., президент В. В. Путин подчеркнул важность углубления взаимодействия с АСЕАН для продвижения инициативы БЕП» [5, с. 64].

Использование внутри ЕАЭС национальных валют для взаимных расчетов является показателем ухода от долларовой зависимости и скоординированным ответом на этот инструмент западной глобализации. По данным ЕАБР, внутри ЕАЭС достигнуты весомые успехи — уже 74% взаимной торговли осуществляется в национальных валютах [3].

Учитывая проект Большой Евразии, создание ЗСВ, а также договоренности с КНР о сопряжении ЕАЭС и инициативы «Один пояс — один путь», может возникнуть как ситуативное союзничество с какими-то государствами, но также и создание прочного альянса [13].

В целом по линии ЕАЭС условия обеспечения экономической безопасности определяются эффективностью процессов интеграции. А особенности развития взаимной торговли определяет ее товарная структура. Поэтому, если между странами отсутствуют торговые отношения или они недостаточно развиты, существует риск экономической безопасности для объединения в целом [9]. А развитие кооперационного сотрудничества нужно для развития промышленности, торговли и общего экономического роста.

Но в непосредственной близости к России и другим участникам евразийской интеграции существуют различные проекты, которые отвлекают внимание государства постсоветского пространства от ЕАЭС и делают единую модель безопасности и интеграции этих стран труднодостижимой [12, с. 186]. Среди них «Организация за демократию и экономическое развитие» ГУАМ, «Содружество демократического выбора», куда входят как страны постсоветского пространства, так и члены ЕС, проект «Восточное партнерство», политика добрососедства ЕС.

Следовательно, вопросы безопасности в ЕАЭС и на постсоветском пространстве нужно рассматривать комплексно, учитывая не только кризисные ситуации и возможности провоцирования конфликтов, но также геоэкономические риски, которые могут каким-либо образом повлиять на евразийскую интеграцию и другие внешнеполитические векторы России.

Видится важным институциализация евразийства в качестве теории международных отношений или как базовой доктрины для таковой. ЕАЭС был сформирован как необходимый ответ на вызовы глобализации и международной политической конъюнктуры. Страны-участницы руководствовались не только общим историческим и культурным наследием, но и текущей тенденцией постепенного исчезновения однополярного мироустройства и появления многополярной модели. Но вместе с тем

основные теории международных отношений продолжают оставаться рудиментами предыдущей эпохи. Либерализм и (нео)реализм— как основные школы, признанные на Западе, частично (нео) марксизм, к которому продолжают апеллировать в некоторых странах, продолжают быть ориентиром в политических науках. В связи с этим видится необходимым разработка новых теорий международных отношений, которые бы отвечали характеру современного мироустройства, давали ответы на текущие вызовы и имели бы связь с культурно-историческими традициями стран ЕАЭС. Например, для России и Армении могла бы быть адекватной школа неовизантизма (через призму критической эпистемологии), тогда как для Кыргызстана и Казахстана на основе исторического опыта могут подойти иные модели. При этом, чтобы избежать экстравагантности и восприятия в качестве маргинальных теорий, обоснование таких концепций должно базироваться на известных и всемирно признанных нарративах, институациализироваться посредством проведения цикла конференций и подготовки научных публикаций в соответствии с различными международными индексами цитирования.

Аналогично должна быть предложена евразийская школа интеграции. Как при создании ЕС исторически применялась идея европеизма, вполне закономерно, что для ЕАЭС основополагающей должна быть евразийская идея. Параллельно может разрабатываться подход на основе конфедерализма, т. е. акцент на политический союз государств в рамках общей стратегии. Неофункционализм в качестве теории региональной интеграции с акцентом на роли негосударственных субъектов и групп интересов может быть применен при наличии атмосферы политического плюрализма и необходимости передачи каких-либо из функций со стороны правительственных структур региональным агентам в лице общественных движений, коалиций или секретариатов.

Кризис западных теорий и управленческих решений (включая выход Великобритании из ЕС) дает дополнительные преимущества для предложения альтернативных теорий и механизмов межгосударственного регулирования. Этот вакуум вполне могут заполнить евразийские концепции, предложенные в качестве рамок двусторонних или многосторонних взаимоотношений России и других государств.

Критические замечания также важны для успешной реализации имиджевой политики. ЕАЭС как новаторскому проекту уделяется пристальное внимание со стороны других акторов региона. Удачные и успешные решения будут способствовать расширению объединения и даже применению ряда практик за пределами Евразии — в Африке и Латинской Америке, что будет способствовать развитию и укреплению многополярного мирового порядка.

В силу объективных причин идеальный вариант евразийской интеграции на данный момент не представляется возможным для воплощения. Однако нет и критериев, которые бы показывали оптимальный вариант развития интеграционных процессов, поскольку государства постоянно адаптируются к мировой геополитической динамике, возникают противоречия и форс-мажорные ситуации. А практика предыдущих лет показала, что могут быть стремительные прорывы, но также и спады в интеграции (как выход участников, которые состояли на предыдущем этапе, или противоречия между двумя странами).

Изначальные приоритеты вектора в отношении СНГ в России также были скорректированы с учетом попыток внешнего вмешательства в дела государств как на постсоветском пространстве (цветные революции в Грузии, Украине, Молдове и Кыргызстане), так и в других регионах (югославский кейс на Балканах, хроническая нестабильность на Ближнем Востоке, замороженные и вяло текущие конфликты в Южной Азии), роста угроз транснационального терроризма и расширения Североатлантического альянса.

При этом комплексная стратегия, выбранная Россией с учетом собственных интересов, идентичности и целеполагания, является наиболее оптимальной как для проведения собственной политики, так и для привлечения других участников к интеграционному процессу.

Следовательно, евразийство может стать одним из императивов внешней политики России и быть адаптировано с учетом множества новых вводных текущей геополитической ситуации для проекта Большой Евразии.

Литература

1. *Агамиров К. В.* Прогностические направления организационно-институционального и правового обеспечения эффективного функционирования информационной сферы «зоны знаний» Евразийского экономического союза // Юридическая наука. № 8, 2020. С. 70–73.
2. *Агеева В. Д., Зеленева И. В.* Политическое будущее евразийской интеграции. Диалог. № 2, 2016.
3. *Винокуров Е., Лаврова Н., Петренко В.* Повышение роли национальных валют ЕАЭС в международных расчетах. Доклады и рабочие документы [Электронный ресурс]. 21/1, Евразийский банк развития, Москва, 2021. С. 1–29. URL: https://eabr.org/upload/iblock/a2f/EDB_2021_Report_Nationalcurrencies_rus.pdf (дата обращения: 20.08.2021).
4. *Гринберг Р. С., Пылин А. Г.* Евразийский экономический союз: основные тренды развития на фоне глобальной неопределенности // Экономика региона, 2020. Т. 16. Вып. 2. С. 340–351.
5. *Канаев Е. А., Королев А. С.* ЕАЭС и АСЕАН: результаты и перспективы сотрудничества // Мировая экономика и международные отношения [Электронный ресурс]. 2020. Т. 64. № 1. URL: https://publications.hse.ru/mirror/pubs/share/direct/326374468.pdf (дата обращения: 20.08.2021).
6. *Кембаев Ж. М.* О правовых вопросах интеграционных процессов на евразийском пространстве // Современное право. № 9. 2011. С. 91.
7. *Лапенко М. А.* Развитие евразийской интеграции: движение от «евразийской тройки» к континентальному Евразийскому партнерству // Постсоветские исследования. Т. 1. № 8, 2018. С. 746–754.
8. *Мигранян А. А.* Структурные эффекты евразийской интеграции // Международная торговля и политика, 2019. С. 103–123.
9. *Мельников А. Б., Маркевич Ю. А., Фалина Н. В.* Состояние и уровень развития интеграционных процессов в ЕАЭС как составляющие экономической безопасности интеграционного объединения [Электронный ресурс]. Т. 28. № 1 (2020). С. 55–71. URL: http://journals.rudn.ru/economics/article/view/23493/18109 (дата обращения: 20.08.2021).
10. *Мухетдинов Д. В.* Российское мусульманство: социокультурная реальность и концепт // Минарет. 2015. № 3. С. 45–58.
11. *Мчедлова М. М.* Вера и культурно-цивилизационная идентичность: новые грани религиозности в России и Европе // Вера. Этнос. Нация. Религиозный компонент этнического сознания. М. : Культурная революция, 2009. С. 365.
12. *Орлова О. Г.* Императивы экономической интеграции стран Евразийского экономического союза // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 3: Экономика. Экология. Т. 22. № 1. 2020.
13. *Селезнев И. А.* О первых итогах евразийской интеграции, достижениях и рисках Евразийского экономического союза // Социально-гуманитарные знания. 2020. С. 164–176.
14. *Фулер С.* Постправда. Знание как борьба за власть. М. : Издательский дом Высшей школы экономики. 2021.
15. *Aseeva A., Górski J.* The Law and Policy of New Eurasian Regionalization. Economic Integration, Trade, and Investment in the Post-Soviet and Greater Eurasian Space. Boston : Brill, 2021.
16. *Izotov V., Obydenkova A.* Geopolitical Games in Eurasian Regionalism: Ideational Interactions and Regional International Organisations // Post-Communist Economies, 08 Sep. 2020.
17. *Pirker B., Entin K.* The Free Movement of Persons in the Eurasian Economic Union — between Civis Eurasiaticus and Homo Oeconomicus // European Citizenship under Stress. Social Justice, Brexit and Other Challenges Leiden [Электронный ресурс]. Boston : Brill, Nijhoff, 2020. P. 531. URL: https://publications.hse.ru/mirror/pubs/share/direct/436317516.pdf (дата обращения: 20.08.2021).

Об авторе:

Базавлук Сергей Викторович, старший преподаватель кафедры теории и истории международных отношений Российского Университета Дружбы Народов (Москва, Российская Федерация);
bazavluk-sv@rudn.ru

References

1. Agamirov K. V. Prognostic directions of organizational, institutional and legal support for the effective functioning of the information sphere of the "knowledge zone" of the Eurasian Economic Union // Legal Science. No. 8, 2020. P. 70–73. (In rus)
2. Ageeva V. D., Zeleneva I. V. The political future of Eurasian integration. Dialogue. No. 2, 2016. (In rus)
3. Vinokurov E., Lavrova N., Petrenko V. Enhancing the role of national currencies of the EAEU in international settlements. Reports and working papers [Electronic resource]. 21/1, Eurasian Development Bank, Moscow, 2021. P. 1–29. URL: https://eabr.org/upload/iblock/a2f/EDB_2021_Report_National-currencies_rus.pdf (date of access: 20.08.2021). (In rus)
4. Grinberg R. S., Pylin A. G. Eurasian Economic Union: Main Development Trends Against the Background of Global Uncertainty // Economy of the Region, 2020. Vol. 16. Issue 2. P. 340–351. (In rus)
5. Kanaev E. A., Korolev A. S. EAEU and ASEAN: results and prospects of cooperation // World economy and international relations [Electronic resource]. 2020. Vol. 64. No. 1. URL: https://publications.hse.ru/mirror/pubs/share/direct/326374468.pdf (date of access: 20.08.2021). (In rus)
6. Kembaev Zh. M. On legal issues of integration processes in the Eurasian space // Modern law. No. 9. 2011. P. 91. (In rus)
7. Lapenko M. A. Development of Eurasian integration: movement from the "Eurasian troika" to the continental Eurasian partnership // Post-Soviet studies. Vol. 1. No. 8, 2018. P. 746–754. (In rus)
8. Migranyan A. A. Structural effects of Eurasian integration // International trade and politics, 2019. P. 103–123. (In rus)
9. Mel'nikov A. B., Markevich Yu. A., Falina N. V. State and level of development of integration processes in the EAEU as components of the economic security of the integration association [Electronic resource]. Vol. 28. No. 1 (2020). P. 55–71. URL: http://journals.rudn.ru/economics/article/view/23493/18109 (date of access: 20.08.2021). (In rus)
10. Mukhetdinov D. V. Russian Islam: socio-cultural reality and concept // Minaret. 2015. No. 3. P. 45–58. (In rus)
11. Mchedlova M. M. Faith and cultural and civilizational identity: new facets of religiosity in Russia and Europe // Vera. Ethnos. Nation. Religious component of ethnic consciousness. M. : Cultural Revolution, 2009. P. 365. (In rus)
12. Orlova O. G. Imperatives of economic integration of the countries of the Eurasian Economic Union // Bulletin of the Volgograd State University. Series 3: Economics. Ecology. Vol. 22. No. 1. 2020. (In rus)
13. Seleznev I. A. On the first results of Eurasian integration, achievements and risks of the Eurasian Economic Union // Social and humanitarian knowledge. 2020. P. 164–176. (In rus)
14. Fuler C. Post-truth. Knowledge as a power struggle. M.: Publishing House of the Higher School of Economics. 2021. (In rus)
15. Aseeva A., Górski J. The Law and Policy of New Eurasian Regionalization. Economic Integration, Trade, and Investment in the Post-Soviet and Greater Eurasian Space. Boston : Brill, 2021.
16. Izotov V., Obydenkova A. Geopolitical Games in Eurasian Regionalism: Ideational Interactions and Regional International Organisations // Post-Communist Economies, 08 Sep. 2020.
17. Pirker B., Entin K. The Free Movement of Persons in the Eurasian Economic Union — between Civis Eurasiaticus and Homo Oeconomicus // European Citizenship under Stress. Social Justice, Brexit and Other Challenges Leiden [Electronic resource]. Boston : Brill, Nijhoff, 2020. P. 531. URL: https://publications.hse.ru/mirror/pubs/share/direct/436317516.pdf (date of access: 20.08.2021).

About the author:

Sergey V. Bazavluk, Senior Lecturer of the Department of Theory and History of International Relations of RUDN University (Moscow, Russian Federation); bazavluk-sv@rudn.ru